

Галина Андрейченко

*Всеми
брошенный
город*

Галина Андрейченко

Всеми брошенный город

«Издательские решения»

Андрейченко Г.

Всеми брошенный город / Г. Андрейченко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964970-6

Перед вами книга лирико-философской поэзии, предназначенная для вдумчивого и образованного читателя. Автор представляет широкую панораму смыслов и миров, вступает в диалог с образами мировой культуры.

ISBN 978-5-44-964970-6

© Андрейченко Г.
© Издательские решения

Содержание

Город теней	6
Посмертные письма	8
1	8
2	9
3	10
ВСЕМИ БРОШЕННЫЙ ГОРОД	11
Лукавое лето	13
Танец детства	14
Бродя по грудам городов...	15
Со стебля слепой дороги...	16
Вы снова роетесь в ночи...	17
Свет. В хрустале лебеда...	18
Отъезды	19
1	19
2	20
3	21
P.S.	22
Солнце, солнце...	24
И было так сладко...	25
Блудный день...	26
Достался город сквознякам...	27
«ЛЮБОВЬ, НЕ ДОСТАВАЙСЯ НИКОМУ!»	28
Обманутый пророк	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Всеми брошенный город

Галина Андрейченко

Художник Анастасия Потапова

Редактор, автор предисловия, компьютерная верстка Инесса Ганкина

© Галина Андрейченко, 2019

ISBN 978-5-4496-4970-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Город теней

Современный мир требует актуальности, он заполнен вспышками клипового сознания, скоропалительных суждений, эсэмэсками и лайками. Творческая элита, озабоченная скорее имиджем, чем ответственностью за сказанное, считает лайки под скандальными публикациями.

А где-то рядом по своему городу теней ходит безвестный автор, вступающий в вечный диалог с культурными традициями прошлых эпох:

Я Вас люблю, безвестный автор,
Мы разломались на два века,
На два окна чужой гостиной,
Ослепших, глядя в мутный двор.

В мир Галины Андрейченко запросто входят не постучавши Гамлет и заблудившийся Петрарка, Моцарт и донна Анна, Данте и Бродский. Может показаться, что речь идет о попытке сделать из собственного поэтического текста свалку общеизвестных культурных символов или зал провинциального музея, где давно не было посетителей. Но все в точности наоборот – использование мифологизированных имен и образов в непривычном контексте, сталкивание смыслов и символов приводит к рождению уникального авторского пространства – всеми брошенного города, где бродит Последний свидетель.

Бродя по бивням городов,
По чердакам пустых столетий,
Вдруг осознать себя последней
И угадать, не сосчитав.

Этот взгляд наблюдателя и сталкера, ведущего из прошлого в будущее, возможно, две основные авторские позиции. Почти отчужденное «я», скрывающее за мерным шагом классического стиха обнаженное горло лирического героя. Вечные недопутешествия, в Европу, в культуру, в детство, да мало ли куда еще, и везде за блестящей оберткой обыденности трагическая суть вещей.

Мой друг, вагон бренчит, запаян с двух сторон.
Окно в Европу? Да. Носитель – коридор.
Смиренье на часах пронзительно старо,
А время – вкривь да вскачь – невыловленный вор.

Галина Андрейченко смело взрывает все стереотипы «женской» поэзии. В разделе как бы про любовь – бесстрашная мольба о горечи:

Пошли мне горечь, как осенний лес,
Там под корнями роются юдоли,
Там даже прародительница-лесть
Бесстыдно прячет голову в подоле.

Такой разговор с судьбой позволяли себе только великие предшественницы, Ахматова и Цветаева. Вообще-то в текстах Галины Андрейченко считывается традиция русской литера-

туры Серебряного века, но эта переключка, тонко простроенная на нюансах и оттенках строфики, смыслов, символов, мест и фигур, служит тайным кодом для посвященных.

Книга завершается уникальным по смысловой наполненности, энергетической насыщенности и поэтическому совершенству «Венком сонетов». Анализ его подобен препарированию симфонии Моцарта... Я не люблю превращать в хладные трупы прекрасные литературные тексты.

«Всеми брошенный город...» Галины Андрейченко – густонаселенное место. Приглашаю читателя в путешествие по его улицам и переулкам, чердакам и подвалам, музыкальным гостиным и кофейням. Запаситесь терпением и ничего не бойтесь... Одним словом, вперед вслед за автором – и открытия не заставят себя ждать!

*Инесса Ганкина,
культуролог, психолог,
редактор книги*

Посмертные письма

1

Мой бедный друг... Здесь рыщут темь и течь,
В кварталах неопознанного века,
И колкий голос в обмороке свеч
Укажет дверь, сворованную ветром.

Дождь вытопчет в оранжерее фраз:
«Скорбя о всех, скучаю о немногих...»
Вслед комнате, где запертые боги
На смолкший миг подумают о нас.

2

Мой бедный друг, куда нас отвезли? —
Земля и здесь ко мне неблагоклонна.
Невыносимо засыпать вдали
От бездности асфальтовых рулонов.

В собор утрат, под кладбище отрад
Вползет безродной глиною отсталость.
Душа моя, я только до утра,
А что в потемках от меня осталось?

3

Мой бедный друг... А в городском кольце
Плескалась юность ожерельем фрезий,
И утонул наш завтрашний концерт
В речном нравоучительном прорезе.

Побоище изверившихся струн
Ослабилось ухмылкой склероза,
И дворник в ореоле Lacrimosa
Вверял цветы вечернему костру

ВСЕМИ БРОШЕННЫЙ ГОРОД

Лукавое лето

Это был до отчаянья мокрый платок
И до моря беспамятства пляшущий свитер.
Во дворах хулиганил вселенский поток —
Впрямь: начало потопа, никак не сбежать и не выйти.

Это был холодеюще-пряный пейзаж —
Знать, во вкусе дождей тополиная горечь.
В грубых стеклах застрял слабый голос «не плачь», —
Ты в охапке несешь неродной, всеми брошенный город.

А потом и тебя понесет торжествующий шквал,
Закольшутся тряпки зелено-лопочущих листьев,
Но лукавое лето устанет заигрывать с кистью,
Бросит, словно очнувшись: «Ну что за дурак рисовал!»

Танец детства

Здесь мы прятали туманы,
Обводили числа красным,
Сны расписывали горлом
Исторически цветно.
Занавесочки жеманно
Отблестав, под утро гасли,
И раскручивался город
Бородавчатым сукном.

Дневники легли под сердце,
Ледяной хрустя коростой,
И с танцующей Жизелью
Снег безжалостный царил.
Но случилось оглядеться:
Вот он, мой глазастый остов,
Чем ты плачешь, неужели
Это только глицерин?

Штукатурка, ключья, дранка
Переехавшего века
И ученые записки
Старосветского пера,
А за ним ступени танго
С газированной подсветкой
Детства... Танец независим,
Всех рассыпал... Мне пора.

Бродя по грудам городов...

Бродя по грудам городов,
По темноте пустых вагонов,
Дорожный занавес отдернув,
Вдруг обернуться гольшом...

Дорога грезит о ростках,
Но бережет отцветший камень,
А вдруг, избитый хором капель,
Он паутинкою всплакнет?

Пугая кротость потолков,
Где запылился древний ливень,
Вдруг отыскать, как неповинен
Проклятый мир в твоих грехах...

Бродя по бивням городов,
По чердакам пустых столетий,
Вдруг осознать себя последней
И угадать, не сосчитав.

Со стебля слепой дороги...

Со стебля слепой дороги
Сползали, куда кто мог, —
Шаталище душ двуногих,
Душилище шатких ног.
Фальшивят дожди на арфах,
В пространство вкрапляя бред,
А в горле застрявший завтрак
Себя обратил в обед.

Слепая удавка-осень
Упрямо вела в тупик.
Куда еще кости бросить? —
Спросите у дамы пик.
На стебле слепой дороги
Две улицы – вверх и вниз,
Те еще недотроги,
Под поступью извелись.

Здесь пешие не в фаворе,
Здесь пепел не разгрести.
Мне слышатся вскрики моря,
Но к морю не по пути.
Сирены летят в остроги,
Солома летит со лба...
На стебле слепой дороги
Слепая висит судьба.

Вы снова роетесь в ночи...

Вы снова роетесь в ночи
В отекающих улицах сознания,
Огрызки скорчившихся зданий
Разворовав на кирпичи.
Шагает дождь в дыму листвы.
Как странно... Мне опять не спится.
Мой дом сгорел от дохлой спички,
А где-то рядом грелись Вы...

Ветшает буря у двора,
К ногам ссылая дни и лица.
Уже не выпадет родиться
Ни завтра, ни позавчера.
Оледенеет вал дождей
Неотвратимую громадой,
Сегодня я простилась с мамой,
А Вы – на облаке диджей.

Весна разбрызгала асфальт
Гремучим крошевом истерик
И зареклась расти и верить,
В горшке воспитывая фальшь.
Под песню запертых стихий
В чулане квакнула галоша...
Пора! Я Вас сегодня брошу.
А Вы пока еще стихи...

Свет. В хрустале лебеда...

Свет. В хрустале лебеда.
Солнцевороты исканий.
Дремлет забытый мираж —
Вневременное желе.
Вместо окошек – слюда,
Комната продрана в камне.
Первопоследний этаж
Мясом и костью в земле.

Мшистая сказка про нас,
Ласковый ветер за ворот,
И заостряют уют
Тонкие иглы ресниц.
Ближе и ближе каркас —
Враз остановленный город,
Где на деревьях поют
Снимки исчезнувших лиц.

В окаменевшей пыли
Старые сумерки в прозе,
А в живописных горстях
Грузно колышется сон.
Волосы в стену вросли,
Комнату сплющил бульдозер,
Лишь уцелел на сносях
Сердца зелёный бутон.

Отъезды

1

А потом... Это жгучая топь сигареты,
Неминуемая, как завтрашний день,
О котором плачет «многая лета»
И припомнят круги по трусливой воде.

На всем серьезе глупила природа,
Даря оторванное сентября,
И душно скапливались бутерброды,
Тени намазывая на себя.

Скрестилась банальность с мазком виртуоза —
Страсть календарен на ветке лист.
Не так уж часто бывает поздно,
Просто выпадет карта: не дождались.

2

Эти письма оттуда навязчивы, как резеда:
Приоткроешь – и вьется труха болевых многоточий.
Иглы дарственной хвои на грубой обшивке пруда
Откровенно молчат о проделках рождественской ночи.

Второпях и задаром пристроен последний наряд,
Будет праздник чужой допоздна примерять подземелья.
А пока безнаказанно окна латает ноябрь,
А ушедший корабль в океане подавится мелью.

В городских разнобоях живет недотепа-квартал,
Где дрова на салазках блаженные возят из парка...
В небо въехавший лайнер от бедного сердца отстал,
И начистила кости твоя Триумфальная арка.

3

О, эти согбенные встречи взаимы,
Дремучие храмы пророчеств!
И в листьях буксуют подводы зимы. —
Вы гости? Подъезд обморочен.

Проследуют дальше... А ты посиди
В своем одиночестве терпком.
В завязанной флейте потерпят дожди,
Ночные прибои – не терпят.

Я – после... Меня не увидит никто
У привязи ампельных кущей.
Вгрызаются пальцы в карманы пальто,
А холод и там. Вездесущий...

P.S.

В потемках чужих историй
Шаги расползутся спать.
Мой голос утонет в хоре,
А осень уходит вспять.
Всю жизнь беспросветно спорим
До белых ключей в кудрях...
Смотри: над ячменным полем
Ночует хромой ветряк.

Размолот хребет в сюжете,
Чутья – ни в одном глазу.
Кого подгоняешь, ветер? —
Колеса не повезут.
От горла снега отступят,
Потянется дым из книг,
А лавры найдутся в супе
И лягут за воротник.

Волной, уходящей в дюны,
Мы длимся, но с кем, но где?..
А песня срывает струны
Краями твоих ногтей.

1996

Солнце, солнце...

Солнце, солнце, северное око,
Оплети меня сторукими лучами...
Тусклый город в дрожи водостоков
Поводил скрипучими плечами.
Кто бы рассказал, куда я еду, —
Все дороги выпали в осадок.
От корней покинутого сада
Поезд-призрак мается по свету.
Корчатся чугунные мозоли
И дождями съедены колеса.
Вдрызг накуролесившись по Зоне,
Крякнет и в судьбу мою вопьется...
Солнце, солнце, северное око, —
Тощ фонарь для городского чрева.
Пахнет сырьем, ржавчиной и воском
В уголке соломенного хлева.

И было так сладко...

И было так сладко, но воздух настоян на грусти,
Всю сбивчивость судеб просчитывал лающий поезд
Вдогонку, отчаянно ниже, семью этажами;
Выдумывай: греться о рельсы иль кланяться в пояс?

А кто-то останется спать в однобокой постели,
А кто-то – целить глицерином потухшие розы,
А где-то – разбухшие вечностью поиски смысла,
Чей оттиск секунды в окне отпечатался грозном.

А рядом – лежит за стеной эмигрантское успокоенье. —
Превыше меня осознать все дырявые стены,
И робкая радость здесь скоро обучится плакать
У синего ветра, который весной и летом осенний.

Блудный день...

Блудный день... Вислоухая тяжесть пальто
Приковала мгновенье к раздетой земле.
Поплывут берега, разберемся потом:
День уйдет – я вернусь... Через тысячу лет.

Костный мозг разрастался, ломая тюрьму,
Удирал, насмехаясь, последний вагон.
По одежке встречать, провожать по уму —
Это запах легенд, это вьюга вдогон.

Через тысячу лет – тишина и пески,
Очумевшего мира огромная пасть,
Он разбужен, он клеит мои позвонки,
Но ползучим осколкам никак не совпасть...

Прожит день – я вернусь через тысячу лет.

Достался город сквознякам...

Достался город сквознякам,
Жует измятую траву.
Лопата ходит по рукам,
Не удержу – переживу.

Мчит мимо рельсов соцтрамвай,
Глухой, как сердце взаперти.
Коптит фонарь, зудит январь...
Аптека... Улица... Почти...

Стучит мой толоконный лоб
В поросший изморозью том,
Трамвай срывается в галоп,
Куда же ты с открытым ртом?!

В соцмышеловке грязнет сыр
И превращается в дор блю...
Мой город стар и сер, и сыр —
Люблю?.. Скорблю... Не отскоблю.

И опрокинуто-высок
В четвертовании судьбы
Немиги беглый голосок,
Чернявый локон из трубы.

«ЛЮБОВЬ, НЕ ДОСТАВАЙСЯ НИКОМУ!»

Обманутый пророк

Пошли разбрасывать гонители-дожди
Лихие струи по асфальту – пруд пруди.
Дрожит на ниточке мой смысл «не навреди»,
Но слишком боязно у мраморной груди.

Над нами Бог, а за спиной его – порог.
Молчит о завтрашнем обманутый пророк.
Глаза расклеятся, проглядят потолок,
И на пол скатится заплаканный комок.

Ну вот и выпалась!.. А сказка впереди.
Я, выпрямляясь, оборву «не навреди»
И вдруг задумаюсь, прокручивая быль:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.